

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ БЕЗОПАСНОСТИ
В СТРУКТУРЕ СУБЪЕКТНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА

Тесля С.Н., Шуванов И.Б.

В статье обосновываются новые перспективы психологического исследования проблемного поля безопасности человека. Предлагается авторская идея и концепция психологической модели безопасности социального субъекта. На основе субъектного подхода раскрывается психологическая природа «опасности» и «безопасности». Переживание-проживание опасности и безопасности трактуется как «психологическая техника субъектности социального субъекта» и как базовый элемент психологической модели безопасности. Представлено несколько авторских «шагов» эмпирического исследования – «составляющих» базового элемента психологической модели безопасности.

Ключевые слова: психологическая модель безопасности, субъектность, социальный субъект, переживание, ситуация опасности.

УДК
301.151

В связи с резким изменением социально-политического статуса города Сочи, развертыванием крупномасштабного олимпийского строительства с привлечением большого количества рабочих ресурсов из других стран и регионов, из-за сжатых сроков, в которые необходимо перестроить инфраструктуру города под современные требования цивилизованного уровня, с усилением миграционных процессов из нестабильных точек Кавказа, из крупных городов России и зарубежья в приграничные районы Кубани резко изменился и психологический фон социо-культурной ситуации, проживаемой сегодня населением города и края. Полиэтнический состав жителей, большая часть которых не составляет коренного населения города, переживая трудности адаптации к новым условиям, неизбежно усиливает чувство нестабильности и неопределенности жизненной ситуации, а в обостряющейся конкуренции за рабочие места становится нормой профессиональный маргинализм, люди часто берутся «не за свое дело», что сказывается не только на качестве результатов их труда, но и в психологическом плане приводит к неуверенности в себе и своих силах, снижению самооценки, безинициативности, формализму и незаинтересованности в работе. Как следствие такой позиции появляется беспокойство и безотчетный страх перед завтрашним днем, тревога и настороженность, отчужденность и подозрительность по отношению друг к другу, будь то коллеги, друзья или родные. Внутреннее психологическое напряжение и астенический психологический климат города подогревается и негативной информацией, идущей от СМИ, готовя почву для экстремистских выпадов в семье, на работе, на улице, повышая вероятность травмирующих и травматических последствий межличностного общения людей «на взводе».

В таком контексте актуальным становится изучение особенностей восприятия различными людьми опасности, переживаемой ими и в отношении их повседневного жизненного мира, и в отношении конкретной среды жизнедеятельности. Для практического психолога раскрываются те зоны, где наиболее востребовано чувство безопасности, а, следовательно, важно выяснить, как с помощью психологических технологий способствовать волевой локализации и саморегуляции людьми этих «зон» опасности и оптимизировать чувство безопасности жизни.

Цель исследования – выявить место психологической модели безопасности (ПМБ) в структуре субъектности социального субъекта. Объект исследования – опасность как психологический феномен. Предмет исследования – психологическая модель опасности/безопасности социального субъекта (ПМБ).

С самого начала исследования мы столкнулись с тем фактом, что респондентов невозможно наблюдать непосредственно в опасных ситуациях, тем более выяснять, как они воспринимают опасность «здесь и сейчас». Поэтому одной из основных задач исследования стало само моделирование логики эмпирического исследования восприятия опасности и попытка «пошагового» движения к намеченной цели.

Итак, мы могли рассчитывать на *воспоминания* о некогда случившейся опасной ситуации, и, значит, на *воспоминания и о чувствах* в опасной ситуации, то есть все, что можно было получить в ходе исследования, «априори» должно было быть признано как «уже бывшее», «уже испытанное», «уже пережитое и прожитое когда-то», то есть как «апостериори» (после опыта). В итоге нам предстояло работать с *непосредственным жизненным опытом* респондента, который, как мы предполагали, проживается каждым по-своему (1). Это означало, что мы не вправе были предлагать респонденту жестко формализованной и стандартизированной формы взаимодействия, но максимально инициировать его на «авторский» самоотчет. Таким образом, в качестве результатов «первого шага» мы должны были получить некую совокупность воспоминаний о «былых чувствах», о которых респондент расскажет более менее адекватно (2). А в итоге мы имели бы феноменологический срез «воспоминаний о переживаниях опасности» ограниченного числа респондентов, что могло бы быть принято в качестве «геле», «материала» исследования, но никак не в качестве его результатов. Посчитав необходимым сделать этот первый шаг, мы «запустили» свободную анкету (См. Примечания, Анкета 1), рассчитывая получить разброс ассоциаций по поводу переживания опасности и безопасности.

Понятно, что в самой формулировке «свободных» вопросов мы сами себя, а, значит, и респондентов, направляли в сторону ассоциаций о *воображаемой* ситуации опасности, которая могла и не быть связана с непосредственным опытом проживания опасности, а была бы только предполагаемой «опасностью». Казалось бы, в этом нет ничего необычного для метода опроса, однако, выяснилось, что не все из числа респондентов хотят «подвергать» себя этой процедуре и некоторые прямо отказываются участвовать в анкетировании. Причиной отказа было убеждение респондента, что если он будет рассуждать на эту тему, то «что-нибудь и случится». Другими словами, человек признавался в том, что его субъективное отношение к воображаемой, виртуальной опасности, а также проговаривание «опасного» сюжета «заранее» может «спровоцировать» действительную ситуацию опасности (например, «так уже было со мной», «не хочу нарываться снова», «мне это не надо», «просто боюсь!»). И это, на наш взгляд, – немаловажный факт, помогающий утвердиться в мысли, что «опасность» по своей природе – психологический феномен, факт, позволяющий сделать предположение, что переживание опасности может стать активатором нежелательной и вредной для человека жизненной коллизии.

Между тем, респонденты, согласившиеся принять участие в первом анкетировании, дали ценный материал для понимания дальнейших шагов исследования. Получив «первичный материал» ассоциаций и произведя простейшую классификацию слов по частоте повтора, согласно алфавитному порядку, по ответам каждого респондента и всей условной группы респондентов, мы увидели «очевидную» картину: предполагаемая «уникальность» ассоциаций вращалась в довольно ограниченном диапазоне эмоциональных денотатов воображаемых ситуаций с перевесом таких частей речи, как прилагательные и наречия. Степень эмоциональности, заложенная в слове, носила явный максималистский характер (например, «ужасная», «дикая», «безумная», «кошмарная», «ужасно страшная»). Вместе с тем, глаголы и глагольные формы, представляющие ответы на последний вопрос анкеты, несмотря на то, что ситуация опасности только «воображалась», в основном относились к «настоящему времени», и ситуация опасности представляла как актуальная, проживаемая «здесь и сейчас», без всякого намека на ретроспекцию.

Наконец, ассоциативный ряд на слово «безопасность», в сравнении с ассоциациями по поводу «опасности», показал доминирование «существительных» над прилагательными, но, что главное, те прилагательные, которые использовались респондентами, как правило, были простой негацией прилагательных и наречий, относимых к «опасности», или четкими ее противоположностями.

Выводы, сделанные в результате анкетирования, кажутся, на первый взгляд, тривиальными: восприятие «опасности» обнаружило «переживающую» основу ассоциаций и имело «конечную область значений» (1); «опасность» и «безопасность» представляют собой семантическую оппозицию, и, следовательно, вписываются в оппозиционистскую языковую модель мира (ЯММ) (2); ассоциации к слову «безопасность» не могут рассматриваться в отрыве от ассоциативного ряда «опасности», делая «безопасность» артефактом «опасности» (3); воображаемая ситуация опасности всегда актуальна, востребовывает самостоятельную активность субъекта, связанную с его личным отношением к

происходящему («пристрастностью») (4). Но, пожалуй, главное, к чему «развернули» нас ответы на первую анкету, это тот факт, что воображаемая ситуация опасности не была «просто» ретроспективным воспоминанием о чем-то, некогда случившемся в личном опыте, но будто бы активно созидалась респондентом в самом процессе его воображения «здесь и сейчас», захватывая его так, что, «переживая» воображаемую опасность, он «проживал» ее, как будто она происходила с ним в данный момент. Впечатление усиливалось и почерком респондентов: сильный нажим, крупные буквы, без знаков препинания, редкие зачеркивания, отрывистые фразы и короткие предложения, без описания сопутствующего, но явно предполагаемого контекста – все это говорило о погруженности респондента в собственные переживания, рисуя ситуацию опасности как «событие».

Хотя делать окончательные выводы на основе первого анкетирования было нельзя, но стало ясно, что вырисовываются контуры концепции психологической модели безопасности, и эту модель невозможно реконструировать без введения в соответствующий, более широкий контекст понятий и принципов анализа. Поэтому мы обратились к построению теоретической схемы психологической модели безопасности, предположив, что можно говорить о ее «элементной базе» и в дальнейшем об «элементах», внутренне связанных друг с другом, то есть, теоретически представить психологическую модель безопасности как *структуру*.

Концептуальной основой теоретического исследования стали основные положения *субъектного подхода* к анализу элементной базы ПМБ социального субъекта, разрабатываемого в рамках НИР кафедры общей психологии и социальных коммуникаций Сочинского государственного университета (СГУ) в 2009–2011 гг. Исходя из определения «субъектности» социального субъекта как активности особого рода, связанной с его способностью преобразовывать, изменять «окружающую среду» (объект) согласно своим *целям*, сформированным его *субъективным выбором*, и представляя субъектность как структуру, мы выделили в ней «мотивационный», «когнитивный» и «поведенческий» блоки переменных. Принцип единства выделенных блоков интерпретирован как соответствие «*направленности*» субъектности социального субъекта, каковой выступает «идентификация». Теоретически допустив существование ПМБ социального субъекта и проанализировав ее элементную базу мы включили ПМБ в процесс осуществления субъектности социальным субъектом. Как и вся субъектность социального субъекта, ПМБ подчинена идентификации как направленности субъектности и основополагающей потребности социального субъекта.

Понятие «социальный субъект» введено в ход рассуждений с целью кодифицировать особенности *позиции*, приемлемой для производства «сценария» жизни, базирующегося на рационалистической парадигме жизнеустройства. Логично было предположить, что утверждение этой позиции нуждается в определенных *регулятивных* технологиях, сопровождающих субъектность как основной способ существования социального субъекта и включенных в нее. ПМБ, на наш взгляд, входит в разряд таких регулятивных технологий. В этом контексте, при поставке проблемы вычленения элементов ПМБ социального субъекта, было предложено понятие «психологическая техника субъектности», которую конкретизировали как базовый элемент ПМБ – «*переживание-проживание опасности/безопасности*».

Логика субъектного подхода позволяет обосновать основные положения, касающиеся понимания соотношения понятий «опасность» и «безопасность», и разработать *модель* эмпирической валидации теоретических умозаключений (на уровне пилотажного исследования).

Проведенный анализ значений «опасности» и «безопасности», существующих в современной психологии безопасности и на уровне обыденного языка, а также анализ ведущей для всего исследования категории «переживание», трактуемой в единстве с «проживанием» опасности, позволил конкретизировать восприятие опасности как «ситуацию опасности» или «ситуацию переживания опасности», конституируемую самим субъектом как *событие*.

На основе теоретической схемы ПМБ социального субъекта была сформулирована «частная» гипотеза второго шага эмпирического исследования: восприятие опасности как переживание-проживание воображаемой опасности опирается на ряд инвариантов,

поддающихся эмпирической верификации. Нахождение этих инвариантов предполагалось «задать» в качестве «составляющих» базового элемента ПМБ социального субъекта.

Использованы следующие методы исследования: анкетирование, опрос, контент-анализ, метод шкалирования. Выборка осуществлялась из респондентов обоих полов, возраста 17–70 лет – всего 130 человек.

Вновь обратившись к результатам первого анкетирования, к классификации «разброса» слов респондентов, касающихся ассоциаций по поводу понятий «опасность» и «безопасность» и характеристик предполагаемой ситуации опасности и поведения в ситуации опасности, мы предположили, что полученная база данных будет достаточной для того, чтобы на ее основе теоретически сформулировать исходные «составляющие» базового элемента ПМБ. Полученные ответы респондентов были предложены экспертам для оценки корректности селекции (группирования) отдельных слов, осуществленной при обработке ответов на вопросы первой анкеты. Экспертами выступили ведущие специалисты, кандидаты психологических наук кафедры психологии и социальных коммуникаций СГУ (всего четыре независимых эксперта). На основе экспертной оценки были сформулированы предварительные «шкалы», соответствующие теоретически смоделированным «составляющим» базового элемента ПМБ социального субъекта. К каждой шкале были составлены конкретные вопросы, в которых был сделан акцент на особенностях восприятия «опасности». Предполагалось, что, «сортируя» ответы на вопросы по шкалам, мы получим предварительный искомый набор «составляющих», по которым можно будет создать представление о содержании всей *ситуации* переживания/проживания опасности.

Конкретная задача, стоявшая перед нами, – выведение семантической матрицы восприятия опасности на основе индуктивного (качественного) анализа синонимического диапазона вербальной презентации «опасности» и сравнение полученных «диапазонов» по группам респондентов. Согласно этой задаче была составлена вторая анкета (см. Примечания, Анкета 2).

Основанием формулировок вопросов второй анкеты выступила гипотеза о *глубине* ситуации опасности. При этом учитывались два момента:

- допущение о существовании «составляющих» базового элемента ПМБ и о вероятности их обнаружения в ответах респондентов;

- критерии анкетных вопросов должны ориентироваться на «составляющие» базового элемента ПМБ, из которых можно было бы «собрать» неоднородный первичный образ ситуации воображаемой опасности. Неоднородность выступает «указателем» «глубины» восприятия опасности.

В результате было выделено пять «составляющих» и, соответственно, – пять шкал «опасности» (например, «Шкала 1...»), преломляющих «составляющие» на воображаемую ситуацию опасности:

«Составляющие» базового элемента ПМБ	Шкалы «опасности»
1. Эмоциональное состояние субъекта	Шкала 1. «Состояние субъекта в момент воображаемой опасности (вопрос 5)
2. Аксиологические индикаторы ситуации опасности/безопасности	Шкала 2. Главная жизненная ценность, обнаруживаемая в ситуации опасности (вопрос 6)
3. Характер отношения к опасности/безопасности	Шкала 3. Характер воображаемой опасности, включенный в восприятие опасности (вопрос 4)
4. Поведенческие индикаторы ситуации опасности/безопасности	Шкала 4. Проектирование поведения в ситуации опасности (вопрос 3)
5. Предметный состав ситуации («что» воспринимается как опасное/безопасное)	Шкала 5. Предметное поле опасности (вопрос 2)

Выделенным «шкалам» соответствуют вопросы, касающиеся, по преимуществу, восприятия опасности (См. Примечания, Анкета 2).

В настоящей статье представлен анализ полученных данных опроса только по Шкале 2 («Главная жизненная ценность») и Шкале 5 («Предметное поле» опасности), так как именно в них наиболее наглядно зафиксировано переживание респондентом воображаемой опасности. Произведенная классификация всех значений слов по Шкале 2 позволила выделить три группы значений:

В первую группу вошли слова, объединенные по следующим общим для них признакам, входящим в значения слов и выражающим следующее:

1. Субъект телесно конкретен, заключен в круг своих непосредственных потребностей, составляющих основу его жизни. Основная ценность субъекта – жизнь как процесс осуществления жизни, конституирование жизни своей конкретной телесностью.

2. Субъект обычно тесно «завязан» на родных и близких как на «продолжение» своего тела и естественного, привычного самочувствия.

Вторая группа слов сформирована по следующим общим для них признакам значений:

1. Слова выражают возможность осуществить выбор, эффективное действие, принять решение, сформировать самостоятельную позицию, иметь в жизни интерес и придать значение тому или иному предмету, человеку, событию.

2. Значения слов выражают потребность иметь высокую самооценку, сильное Я (воля, характер) и стремление давать свою оценку происходящему.

Главная ценность – «самость», «Я», «суверенность», собственный выбор – все, что позволяет быть активным, т.е. «решать», «изменять», «преобразовывать», «контролировать».

3. Значения слов позволяют воспроизвести «контекст», в котором поддерживаются и воспроизводятся жизненные ценности субъекта, это – система отношений «Я – Другой».

4. Время описываемых событий укладывается в схему «линейного времени» (прошлое – настоящее – будущее). Соответственно, опасным может восприниматься все, что способно лишить субъекта активности действия в рамках модели линейного времени.

В третьей группе в качестве ценностей фигурируют:

1. Дети, близкие, родные, которые могут пострадать и о которых субъект должен позаботиться в первую очередь.

2. Главная ценность субъекта – забота, которая направлена не просто на «другого», а на «дорогого» другого, на другого как на себя самого.

Этим «другим» может быть как человек (ребенок, близкий, родной, родственник), так и «дело», то, что субъект воспринимает «близко к сердцу» и как «родное по духу». Таким образом, «дело», ради которого субъект живет, чему он себя посвятил (посвящает), в чем он «растворяется», может целиком поглотить его внимание в ситуации опасности.

По **Шкале 5** («Предметное поле опасности») полученные значения слов были также классифицированы по трем группам значений.

Под предметным полем опасности мы понимаем содержательную наполненность восприятия воображаемой опасности, «что» этой ситуации переживания. «Предмет» здесь – не объективный феномен, даже если используется термин, несущий информацию о «внешнем» объекте (например, «яд»). «Яд» – относится не к «банке с отравой», а к содержанию именно переживания субъекта (к ситуации переживания опасности). В слове «яд» косвенно присутствует изображение субъекта, и именно изображение может быть введено как «инструмент» воссоздания *определенного контекста*, являющегося неотъемлемым параметром ситуации опасности. Поэтому предметным «контекстом» переживания опасности естественно считать «поля» отношений, которые косвенно актуализирует респондент в слове. Это могут быть поля разных «размеров» и «протяженности», энергетического потенциала и «напряжения», другими словами, переживание опасности имеет субъективные пространственно-временные координаты. Тезаурус Шкалы 5 показал нам *диапазон отношений субъекта*, который косвенно представлен в использованных респондентами существительных.

Так, например, «предметность» переживания воображаемой опасности, схваченная словом «яд», как бы «заполнена» близким, неотчуждаемым от субъекта, ценностным ядром – его физическим присутствием; и существительное «яд» передает предельное напряжение субъекта на ценность выживания, жизни как присутствия «здесь и сейчас».

Значения слов, «попавшие» в описанные выше телесно-физические границы «предметности» восприятия воображаемой ситуации опасности, могут быть «собраны» в одну категорию – **группу «Т»**.

Значения данной группы слов сопоставимы по признаку их отношения с «телесностью», «организмичностью» и «витальностью», переживаемыми субъектом как безусловные ценности.

Вторая группа значений слов условно обозначена нами как **группа «Я»**. Признаками, общими для всей данной группы значений слов, являются:

1. Все, что может навредить, разрушить (конструкцию), разломать, исключить (вырвать силой) из привычного хода событий и существования (обыденных условий жизни и здравого смысла).

2. Источник опасности достаточно фиксирован и конкретен, поэтому субъекту, как правило, ясно, от чего он хочет или должен защищаться.

В целом «собираемый» «предмет» опасности менее «предметен», чем в значениях слов, классифицированных в группу «Т». В значениях фиксируется что-то, происшедшее помимо воли субъекта: гибель, теракт, авария.

Наконец, третья группа слов Шкалы 5, обозначенной нами как «диапазон» предметного поля опасности, **группа «Д»**, включает «направленность на Другого». Здесь:

1. Опасность как таковая ставится в связь с неким целым.

2. Есть страх оказаться в полной неопределенности, например, «потерять работу» (не «быть уволенным», а целого (работы) лишиться).

3. Предметное поле опасности может подчинять себе Я субъекта, исключать выбор субъекта и вести (косвенно или прямо) субъекта к осознанию более широкого, чем его индивидуальная ситуация, контекста, подвергающегося опасности, угрозе.

Подводя итог анализу ответов на вопросы Шкал 2 и 5, мы сделали вывод о том, что субъективно переживаемая «ценностность», значимость, придаваемая респондентом кому-, или чему-либо, оказывается, в то же время, и «объективным» – предметным – содержанием опасности. Содержание опасности раскрывается как *отношение* субъекта к важным для него людям, предметам, идеям, одним словом, как событие. А это означает, что и предметное поле опасности также относится к работе субъективности субъекта, является его продуктивным воображением, в процессе которого субъект и проживает опасность, получает опыт непосредственной ситуации опасности как события. Следовательно, *имеет* смысл говорить о том, что «опасность» – это психологический феномен по существу и является «работой» субъективности субъекта.

Именно в силу того, что выборка была небольшая, результаты исследования не могут считаться полностью валидными. Однако нам было важно показать, как могут «работать» некоторые авторские «шаги» в обосновании психологического статуса «опасности», вписывающейся в ПМБ социального субъекта. В ходе исследования, нам кажется, проиллюстрирована правомерность реконструкции структурных элементов ПМБ, связанных, по меньшей мере, с мотивационными и «поведенческими» блоками субъектности социального субъекта, что в перспективе ведет к корректной постановке проблемы существования и элиминации «кодов» субъектности, скрытых в психологической модели безопасности, где анализ переживания-проживания опасности – исходный пункт суждения о содержании и потребности субъекта в переживании *безопасности* как полноценно осуществляемой активности особого рода, связанной с изменением, преобразованием среды (объекта) в соответствие с его рациональными целями.

Приложения:

Образец

Анкета 1

1. Какие ассоциации (представления, мысли, чувства) Вы связываете со словом «опасность»?

2. Какие ассоциации (представления, мысли, чувства) Вы связываете со словом «безопасность»?

3. Какие ассоциации вызывает у Вас предполагаемая ситуация «опасности» в Вашем вузе (в вузе, в котором Вы учитесь?)

4. Как бы вы повели себя в ситуации воображаемой опасности?

Образец

Анкета 2

Ф.И.О. (инициалы) _____ Пол _____

Дата рождения (полностью) _____

Этническая принадлежность _____

Род занятий _____

Инструкция: 1. Пожалуйста, при ответе на вопросы постарайтесь не использовать слова: «опасность», «безопасность» и не повторять формулировку вопросов анкеты.

2. Внимательно прочитайте варианты частей речи, которые могут фигурировать в Ваших ответах (глаголы, существительные, прилагательные, местоимения)

1. Ваше определение понятия «опасность» (существительные):

Опасность – это...

2. Что Вы воспринимаете как «опасное» для себя (для Вас лично) (ряд существительных, прилагательных):

3. Опишите Ваше поведение в воображаемой ситуации опасности (глаголы, существительные):

4. Какими словами Вы бы описали характер воображаемой опасности? (опасность – «какая?») (прилагательные):

5. Какими словами Вы бы описали свое состояние в момент воображаемой опасности? (существительные, прилагательные):

6. Чем (кем) Вы дорожите больше всего в своей жизни? (существительные, местоимения):

Сведения об авторах:

Тесля Светлана Николаевна, доктор философских наук, профессор Сочинского государственного университета (г. Сочи).

Шуванов Игорь Борисович, кандидат психологических наук, доцент Сочинского государственного университета (г. Сочи).

E-mail: schuvanov@rambler.ru

SECURITY PSYCHOLOGICAL MODEL IN SOCIAL SUBJECT SUBJECTIVITY STRUCTURE

TESLYA S.N., SHUVANOV I.B.

The article substantiates new prospects of human safety problems psychological study, offers authors' idea and psychological model of social subject, discloses psychological nature of "danger" and "security" on the basis of subject approach. Danger and security experience is defined as «psychological technique of social subject subjectivity» and as a basic element of security psychological model. The authors present several authors' «steps» of empiric study of psychological security model basic element «components».

Keywords: psychological security model, subjectivity, social subject, experience, situation of danger.

